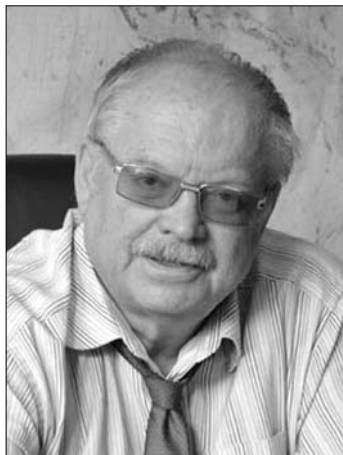

АЛЕКСАНДР КРЕМЕНЕЦКИЙ

ОДИНОКИЙ ПИНГВИН

РАССКАЗЫ

ЕВА-ХОН

Он не любил маленьких собак. Беззащитные мордочки с выпуклыми грустными глазами, трясущиеся туловища и в довершение — мышинные лапки и голый хвостик. Цвет, даже чёрный, этих собак тоже никак не украсил. Что же касается их характера, то уж если кого не любишь, то и в ответ тебе — тонкий противный лай, да ещё, если замешкаешься, можно и за ногу схлопотать... исподтишка... По этой причине он не любил и чеховскую “Даму с собачкой”. Две такие маленькие собачки: вечные слёзы, сопли и поджатые хвосты...

Другое дело большие, настоящие собаки. Особенно те, что как волки. Они были его слабостью с детства: Белый Клык, Бэк, Джульбарс... Свободные и преданные, они умели дружить... гордо и безоглядно. Ещё он любил лаек. Во-первых, они все, как одна, красавицы; во-вторых, неприхотливы, выносливы, беззлобны.

Когда-то раньше и у него была лайка, западносибирская, охотничья, по кличке Марта. Она с ним пешим ходом, на машинах, поездах и самолётах не один раз пересекла полземли с запада на восток и с юга на север.

КРЕМЕНЕЦКИЙ Александр Александрович родился в 1941 году. Известный учёный, Заслуженный геолог Российской Федерации, доктор геолого-минералогических наук, директор Института минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов. В последние годы А. А. Кременецкий возглавляет проект по геолого-геохимическому и изотопно-геохронологическому изучению пород дна Северного Ледовитого океана, а также геохимическому картированию российского сектора Арктики. Предлагаемые читателю рассказы выходили в книге “Чука” — это и воспоминания о близких, и путевые зарисовки, и истории научных открытий.

В тайге, в пустыне, на берегу океана она всегда была полезной и вольной. И только в Москве, в доме на третьем этаже, в углу на коврике она вынужденно и терпеливо отбывала свою гауптвахту. Они дружили, но их дружба была неравной. Он был более требователен к ней, чем она к нему. Она его всегда и беспрекословно слушалась, но особую любовь — прижиматься там, лизаться — не проявляла. Ну, подойдёт иной раз к нему, сидящему на привале, ткнётся мокрым носом в руку — “мол, я здесь...” Вот, пожалуй, и всё. Ещё у него с ней был заведён такой порядок: у стола не торчать — в лесу все и так есть; в маршруте под ногами не тереться — зверя вокруг искать надо; ночью спать за палаткой — нечего мешать соседям. Каждый вечер, когда он забирался в свой спальный мешок и гасил свечку, с внешней стороны палатки, слегка наваливаясь на неё сбоку, укладывалась Марта. От этого ему становилось тепло и спокойно. “Может, это и есть любовь?!” — думал он, засыпая.

* * *

Далеко от Москвы, на юге, на краю Ташкента, в небольшом посёлке Эшонгузар жили его друзья. Жили они в стандартном блочном доме на четвёртом этаже. Друг его Абдували работал в геологической экспедиции, его жена Света — в поселковой конторе, их дочь Гуля — школьница младших классов и, наконец, внук — Искандер, в то время хозяин типовой детской коляски. Дома у них жил кот Маркиз, а во дворе — Ева-хон* — маленькая короткошёрстная собака на трёх лапах; на месте отсутствующей передней правой лапы ясно был виден давно заросший крестовидный шрам.

Хозяин Евы-хон, пожилой узбек, жил в том же подъезде на первом этаже. Он то часто болел, то пил, и поэтому Ева-хон была почти беспризорной. Днём она, как и все, прячась от жары, спала где-нибудь в тени, а к вечеру приступала к своим прямым собачьим обязанностям. Бегала по двору и лаяла на случайных прохожих, а ночью молча шла сзади, а затем, если ей что-то не нравилось, коротко и зло впивалась в его ногу своими маленькими острыми зубками.

Облаянные и покусанные таким образом гости, естественно, жаловались соседям, те — хозяину, но он то болел, то пил.

* * *

Когда появился внук, Света утром, перед работой, и вечером, после работы, стала укладывать его в коляску и выходить во двор. Сначала они делали пару кругов между домами, а затем заезжали под навес летней веранды. Там внук спал, а Света читала или общалась с соседскими женщинами. Там же в тени обычно лежала и Ева-хон, но, как только на веранду приходили люди, она быстро вставала и уходила.

Однажды Света подъехала к веранде и, увидев там лежащую Еву-хон, остановилась. Внук не спал. Света стала покачивать коляску и что-то ласково приговаривать. Ева-хон, подняв свои короткие острые ушки и почти не мигая своими выпуклыми глазками, прислушалась. Когда внук уснул, Света придвинула коляску ближе к веранде, но вовнутрь не зашла. Ева-хон оценила это. Она поднялась с пола, облизала свою переднюю лапу и подошла к коляске, мол, заходите...

— Спасибо, Ева-хон, — сказала Света, — идём вместе с нами.

На веранде Света села на скамейку, рядом поставила коляску и ещё раз позвала собаку: “Ну, что ты там стоишь? Иди к нам!” Ева-хон, не спуская глаз со Светы, зашла на веранду, но легла чуть поодаль.

На следующий день Света взяла с собой хлеба и косточек. Когда они снова встретились у веранды, Ева-хон оценила и это: выпуклые глазки её заблестели, а голый хвостик заходил мелким ходуном.

---

* Хон в переводе с узбекского — уважаемая.

Дальше, как водится, больше. Теперь Света, внук Искандер и Ева-хон были неразлучны. Во дворе наступил мир или, по крайней мере, перемирие. Теперь днём Ева-хон, прежде чем залаять или, не дай бог, на кого-нибудь кинуться, всегда советовалась со Светой.

— Успокойся, — ласково, но твёрдо говорила Света, — это свои.

Короткая шерсть, готовая встать дыбом, медленно возвращалась на место, хвостик из боевой стойки переходил в согласительное виляние, и Ева-хон, не без сомнений, но разрешала чужаку или иному нарушителю порядка пересекать двор.

Беда явилась с иной, с неожиданной стороны. Теперь каждый раз, проводив Свету с внуком до четвёртого этажа, Ева-хон ложилась у их двери. Ждать и охранять. Теперь вечером, а тем более ночью войти в подъезд и подняться по лестнице вверх для чужих людей стало делом почти невозможным или, по крайней мере, героическим. Сверху тотчас раздавались тонкий противный лай и мелкая дробь коготков нервно бегающей на трёх лапах Евы-хон.

* * *

Он не любил ни маленьких собак, ни кошек, но Абдували, Света, их дочь и внук были его друзьями. Когда он появился в их доме, его сразу же познакомили с ленивым и пушистым любимцем Абдували — котом Маркизом и Светиной подружкой — Евой-хон. Что касается Маркиза, то тот, понятное дело, первое время, как мог, боролся с новым соперником — сердито урчал и втихаря писал на его рюкзак и полевую сумку. Ева-хон приняла его сразу и без вопросов... Днём ему разрешалось находиться во дворе где хочешь и сколько хочешь. Вечером же, а чаще ночью, когда он, иной раз сильно навеселе, искал вход в их всегда тёмный подъезд, он уже с улицы начинал громко хвалить Еву-хон: “Ева-хон — хорошая собака! Ева-хон — умная собака! Ева-хон — самая лучшая на свете собака...”

В ответ он слышал частое громкое дыхание и знакомую мелкую дробь её коготков по бетону ступенек.

— Всё, — говорил он себе, — можно идти.

Он никогда не ласкал Еву-хон. Во-первых, очень маленькая — на две, не больше, ладошки; во-вторых — очень гордая. Он никогда её не угощал. Во-первых, любой кусок хлеба или мяса был намного больше её маленького аккуратного ротика; во-вторых, как настоящая спартанка, она не нуждалась в подачках. Он никогда не просил её дать лапу. Было очевидно, что при одной передней левой это неизбежно приведёт к конфузу. Но если бы он и попросил, она бы, а он был в этом абсолютно уверен, дала ему эту свою единственную лапу, не приседая на задние...

* * *

Он работал в пустыне и в Эшонгузар заезжал по пути, раз в год, обычно осенью. Он всегда останавливался у этих своих друзей, и всегда Ева-хон первой встречала его во дворе. Она легко узнавала его и, провожая к подъезду, приветливо трясла своим голым хвостиком и что-то взахлёб рассказывала шарами своих выпуклых чёрных глаз.

Так было всегда.

На этот раз Евы-хон во дворе не было. Не было её и в подъезде.

— А где Ева-хон?! — спросил он у друзей.

— Евы-хон нет...

— Что случилось?!

— Она кого-то укусила.

— И что?

— Человек этот обратился в милицию. Милиция — к хозяину, а тот — как обычно... Милиционер пригрозил отловить и убить Еву-хон.

— И что?
— Хозяин сунул её в сумку и куда-то отвёз.
— Куда?
— Никто не знает. Видели только, что он садился в междугородный автобус.

* * *

На следующий день он уехал в свою пустыню, а когда через пару месяцев вернулся в Эшонгузар, ни во дворе, ни в подъезде его никто не встретил. “Не нашлась, — подумал он, — жаль! Хорошая была собака, умная...”

Он поднялся на четвёртый этаж.

— Привет! Проходи, располагайся, — встретили его друзья. Даже постаревший и подобревший кот Маркиз, и тот вылез к нему в прихожую: “Привет...”

— А Ева-хон?

— Жива-здорова! Представляешь, недавно вернулась... И как она только дорогу назад нашла?!.

— Как?

— Я была дома одна, — стала рассказывать Света, — Абдували на работе, дети в школе, и вдруг... вдруг слышу — кто-то скребётся в дверь. Я к двери. Открываю, а на пороге Ева-хон... Пыльная, худющая, шерсть торчком, рот открыт, язык наружу, часто и трудно дышит... Я бегом на кухню, налила воды в миску... Она её мигом выпила. Я налила ещё... Накормила её и говорю: “Где же ты была? Ладно, раз уже пришла к нам, то заходи в дом... Отдохни”.

— И что? Зашла?

— Нет. Осталась на площадке в подъезде.

— А что же её нынче нет во дворе?

— Хозяин посадил её на цепь за домами, на огородах. Искандер, покажи, где Ева-хон.

* * *

Он с Искандером вышел на улицу. Они зашли в булочную, купили там большую круглую тёплую лепешку и направились к огородам. Там за высоким железным забором рядом с деревянной будкой с короткой цепью на маленькой шее сидела Ева-хон.

— Ваасалам алейкум, Ева-хон, — сказал он, — это здорово, что ты вернулась... Ты самая хорошая, самая умная собака на свете...

Они с Искандером крупно, как принято в Узбекистане, поломали лепешку на куски и по одному просунули их через узкую щель в высоком железном заборе.

*Москва
2010*

“ПОСЕЙДОН”

Карелия. Онежское озеро. С юга от торгового порта Петрозаводск до лесопогрузочного терминала близ города Медвежьегорск на севере по прямой 125 миль или шесть часов хода при скорости 20–30 узлов. Если же идти не прямо, а заходить в каждую шхеру и стоять там весь день на якоре, то на круг — почти две недели выходит. Это и есть наш маршрут.

Для изучения рудного района на западном побережье Онеги мы арендовали небольшое исследовательское судно “Посейдон” — бело-голубое, однопалубное, с тесными каютами, камбузом, уютной кают-компанией и двумя

спасательными шляпками. Команда: пять матросов и капитан Андриус Антонов. Наша группа — семь человек с горой рюкзаков, с болотными резиновыми сапогами, с молотками и картами. Порядок корабельный: побудка в 7.00, затем бегом вдоль качающегося узкого борта в галльон и под кран с холодной водой, торопливый завтрак с обязательным квадратиком масла и компотом и, наконец, спуск на воду шляпки и загрузка в неё маршрутных пар. После того как шляпка уткнётся в берег, геологи уходят “на дело”, а вечером, когда они снова выйдут к озеру, но уже где-нибудь в другом месте, они у самой воды разведут дымный костёр. Это знак для “Посейдона”. Капитан снимается с якоря и подводит судно как можно ближе к костру. Снова шляпка, снова галльон, снова кран с холодной водой; и вот он, долгожданный для всех ужин в кают-компани. У капитана здесь своё постоянное законное место; остальные — как сядут. Шум, гам, споры, шутки, смех... За кормой — широкий белый пенный след. Идём на новую точку.

— Товарищ начальник, — обращается ко мне капитан, — как насчёт ста грамм?

— За.

— Жду вас у себя в каюте.

Андриус Антонов — пожилой крепшш с характерной морской походкой. Белые, коротко стриженные волосы, широкое лицо, лукавые глаза и большой мясистый нос.

— Отчего такое странное сочетание фамилии и имени? — спрашиваю Андриуса.

— Я — литовец.

— Откуда?

— С севера Литвы. Я там родился до войны на маленьком хуторе.

— Родители литовцы?

— Да. Жена вот только подкачала, она русская. Мы с ней почти всю жизнь живём в России.

— Почему Антонов? Это что, фамилия жены?

— Нет, это почти моя фамилия. Мы ведь из переселенцев.

— Как это?

— Сразу после войны, в 1945-м, отца моего арестовали и расстреляли в тюрьме НКВД, а нас с мамой и братьями депортировали в Сибирь. Когда мне выдавали паспорт, мама настояла, чтобы фамилия была русская, от нашей Энтони-люс! Уж очень она тогда настрадалась и намучилась.

— Сколько вам было лет, когда началась война?

— Неполных восемь. Я уже говорил — мы жили на хуторе. У нас было две коровы и лошадь. Отец работал на железнодорожной станции. У него была красивая чёрная фуражка, и на работу он ездил на велосипеде. У меня тоже был велосипед, поменьше, и я каждый день возил отцу на работу молоко и хлеб.

Недалеко от нашего хутора стоял отряд русских военных. Они брали у мамы молоко. Каждое утро молоденький солдат приезжал к нам на велосипеде. Как-то он вот так же приехал, а мама говорит ему: “Бегите, ребята, в лес. Соседи говорят, что немцы скоро будут”. Солдатик смеется: “Это вас буржуи ваши пугают. Граница на замке, и танки наши быстры!”

— И что?

— Через несколько дней пришли немцы. Пришли неожиданно, и было их очень много. Я из окна видел, как русские военные со своими длинными винтовками врассыпную бежали по полю, а сзади, с мотоциклов, по ним стреляли немцы.

— Что ещё помните?

— Помню, что в железнодорожном депо, где продолжал работать отец, было много пленных русских. Они чинили вагоны, стругали доски и сбивали из них какие-то рамы и ящики. Пленные всегда были очень голодные и, когда я привозил отцу молоко и хлеб, жадно смотрели на еду. Отец как-то не выдержал. Он отломил кусок хлеба и незаметно сунул его в руку стоящему рядом пленному. Когда тот стал есть, это увидели другие пленные, они кинулись отбирать и делить этот кусок. Немецкие часовые, конечно же, из-

били русских, а старший из конвоя подошёл к моему отцу и несколько раз наотмашь ударил его по лицу. Голова отца безвольно моталась из стороны в сторону, а он молчал и даже не заслонился рукой. Из его большого, как и у меня, носа хлестала кровь. Я был страшно растерян. “Как же так, — думал я, — ведь мой отец самый сильный человек на свете?! Что же случилось? Почему он не защищает себя? Почему он молчит?”

— И потом его расстреляли русские?

— Да, потому что он работал и на русских, и на немцев. А как иначе?

— Не понимаю.

— А что тут понимать? Когда за год до войны Прибалтику оккупировала Красная армия, а затем Литву насильно включили в СССР, в железнодорожном депо отца сразу появились русские, они под конвоем пригнали литовцев, которые не признали новую власть. Их заставили переделывать грузовые вагоны в клетки для перевозки людей. Как только очередной состав был готов, на станцию со всей Литвы привозили мужчин, женщин, стариков, детей, набивали ими до отказа эти клетки и отправляли в Россию.

— Вы это лично помните?

— Смутно. Помню шум, крики, собачий лай... Потом, много позже, мама мне многое рассказала. Мама боялась, что нас тоже увезут. Они с отцом считались кулаками, но отец, один из немногих в нашей округе, хорошо знал железнодорожное дело, и его тогда не тронули ни русские, ни немцы.

* * *

Снова побудка, снова галльон, снова кран с холодной водой, снова завтрак... снова долгий полевой маршрут. К середине дня мы вышли к жилому хутору. Хутор обычный, а у ворот — замызганная грязью диковинная чёрная машина. Подошли поближе — номера иностранные. Стали здороваться с хозяевами, а те ведут к нам двух стариков.

— Помогите, — говорят нам хозяева, — это финны. Они где-то здесь воевали и теперь ищут могилу их товарища.

Мы достали свои топокарты и, изъясняясь на тарабарском языке слов и жестов, показали старикам место, где мы сейчас находимся, какие и куда дороги ведут, и где ещё какие хутора есть, благо карты наши того же 1941 года.

Старики согласно кивали, благодарили нас, и от этого было как-то нереально и жутко. Перед нами стояли два бывших солдата, которые не так давно где-то здесь целились в наших отцов, а наши отцы убили их товарища...

* * *

Снова вечер, снова наш “Посейдон”, снова уютная и шумная кают-компания.

— Ну что, товарищ начальник, может, по сто грамм?

— За.

— Тогда жду у себя в каюте.

Андрюс режет большой красный помидор на две части, густо посыпает их солью, разливает по стаканам водку.

— Будем!

— Будем!

— Что новенького на суше?

— Сегодня в маршруте, — начинаю я, — мы встретили двух финнов.

— Эка невидаль! Небось, оба в стельку?

— Мы встретили двух белофинских лыжников. В маскхалатах с чёрными автоматами за спиной.

— Всё шутите?

— Немножко. Они спрашивали дорогу у местных жителей.

— Что-то очень далеко от фронта, тем более от их знаменитой линии обороны.

— Они искали могилу своего товарища.

— Наверное, одного из тех, кто был выселен с территорий Финляндии, занятых советскими войсками.

— Что, было и такое?

— Да. Это была первая советская оккупация. Если вы помните, то начиная с 1938 года СССР и Финляндия всё никак не могли договориться об отношениях между собой, и тогда Красная армия напала на своего маленького соседа. В результате Сталин был объявлен военным агрессором, СССР исключён из Лиги наций, Красная армия понесла огромные потери в живой силе и технике, а командиры советских дивизий Виноградов, Пахоменко и, кажется, Волков бежали с поля боя.

— Быть такого не может!!!

— Может, может. Их потом расстреляли перед строем... У вас, товарищ начальник, на глазах до сих пор розовая повязка.

— Не думаю. Просто я родился и вырос в СССР, да и до сих пор мир вижу через красное полотнище: революция, война, победа, космос... Всё вроде как надо. Все одеты, обуты, накормлены, обучены... Ан нет! Вашим же прибалтам, тем же “щирым западэнцам”, да и цыганам-молдаванам всё неймётся, всё им не так, всё они косят глазами в сторону. Туда же свою голову воротят и вечные наши друзья-противники — поляки.

— А что вы хотите? Ведь Германия начала войну в Европе не одна, а вместе с вашим красным флагом — с Советским Союзом.

— Чуть собачья!

— Постойте, а пакт Молотова — Риббентропа?

— Это всего-навсего договор о ненападении, и не более того. Время было такое, беспокойное...

— Не только, — начинает горячиться Андриус. — Вам известен секретный протокол к этому договору?

— Откуда же?

— А мы, литовцы, знаем, что такой протокол был и в нём чёрным по белому было написано, что Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Восточная Польша и, кажется, ещё Бессарабия в случае переустройства Восточной Европы должны будут отойти к СССР.

— Всё это враки и спекуляции.

— Вы, русские, всегда так. Чуть что не по вам, так “сразу — вон с глазу...” А Катень?

— Да, с Катенью мы прокололись по полной программе. Помню, я ещё пацаном был и видел документальный фильм, как наши известные учёные-медики и другие авторитеты, кажется, даже писатель Алексей Толстой, осматривают под Смоленском захоронения трупов польских офицеров. Я тогда хорошо запомнил круглые чёрные дырки от пуль в тыловой части черепов и голос диктора: “Так в затылок могли стрелять только фашисты”. Ещё крупным планом показывали найденные среди трупов записные книжки и какие-то причиндалы немецких солдат. При виде всего этого наши юные души переполнялись злобой и острым желанием мести к немцам, к этим нелюдям...

— Кстати, а знаете ли вы, товарищ начальник, что тогда, в 1940 году в катынском лесу по распоряжению НКВД были расстреляны не только польские офицеры? Среди более чем 20 000 казнённых было множество обычных польских граждан, не признавших новый советский порядок. Скажите, как можно простить эту жестокость и этот обман? Вот почему поляки не смотрят с вами в одну сторону.

— Согласен. Это подло. Но мы освободили Краков, Варшаву...

— Русские освободили Польшу не для поляков, а для себя. Точно так же Красная армия в 1939-м оккупировала, а в 1944-м “освободила” Литву. Литовцы, как и поляки, с первого и до последнего дня, как могли, всегда сопротивлялись Советам.

— “Лесные братья”?

— В том числе и они, но их борьба носила больше частный характер и сводилась к уничтожению, прежде всего, советского актива.

— “Никто не хотел умирать”?!

— Да, плюс партизаны, а с приходом немцев и открытые нападения на колонны советских войск.

— Вас послушаешь, Андриус, так получается, что литовцы, все до единого, патриоты.

— Нет. Конечно же, нет. Литва, как грецкий орех, раскололась на две половинки, и если бы не скотское отношение немцев и к нам, и к полякам как к неполноценному, неарийскому народу, то противников у Советского Союза было бы абсолютное большинство.

— Не скрою, для меня это открытие.

— А для меня это жизнь. Жизнь и смерть моих родных и близких. Добавлю, что “освобождение” Литвы в 1944-м превратилось для нас ещё в один страшный суд — сотни тысяч литовцев были отправлены в ссылки и в лагеря. Обвинения стандартные: “военные преступления против СССР” и “геноцид еврейского населения”.

— Первое понятно, а при чём здесь евреи?

— Ну, это очень старая и очень большая тема. Исполком века литовские евреи пытались обратить христиан в иудаизм, а русско-казацкие войска, в том числе и Б. Хмельницкий, наоборот, насильно крестили евреев. Ко времени советской оккупации в Литве находилось около 3 000 своих евреев плюс десятки тысяч бежавших из Польши. Никто из них, естественно, не успел эвакуироваться, и все они до единого попали под немецкую оккупационную машину. Особо против евреев лютовали не столько полицаи, сколько местное литовское население. Так что к концу 1941 года половина евреев была уничтожена физически, а остальные сидели в гетто.

— Да-а...

— Вот вам и “да...”. Теперь-то вы понимаете, почему сегодня в Литве пытаются запретить и забыть всё, что так или иначе связано как с Советским Союзом, так и с Германией, в том числе и любую их символику: гимны, флаги, свастики, серпы, молоты?.. Уж очень много они принесли нам крови и страданий.

— Да-а...

— Теперь-то вы понимаете, почему “лесные братья” до сих пор устраивают свои шествия, почему в Прибалтике сносят памятники советским воинам, почему судят ветеранов Красной армии?!

— Умом — да, понимаю, но всё моё нутро — против! Уж очень долго я, как и многие, верил в иное...

* * *

Идём на новую точку. Стою рядом с Андриусом в ходовой рубке. Слегка штормит. Ветер срывает белые гребни волн и бросает их мокрыми зарядами на переднее стекло рубки. Безразличные “дворники” раз за разом превращают крупные капли озёрной воды в две широких дуги, через которые виден мокрый нос нашего “Посейдона”, синусоиды волн и низкие чёрные тучи.

Андриус смотрит то на карту, то в бинокль.

— Правильно идём? — спрашиваю я.

— Как в аптеке. Однако погодите... кажется, нас ждут неприятности.

Андриус протягивает мне бинокль: “Посмотрите туда...”

Я навожу на резкость и вижу безвольно ныряющую в волнах лодку. В ней, широко расставив ноги, стоит человек в длинном плаще с высоким кашпоном. В правой руке он держит красно-белый спасательный круг.

— Что это?

— SOS. Извините, я должен изменить курс.

— Конечно. Чем я могу быть полезен?

— Подойдём ближе — узнаем.

Приключение, однако, не состоялось. Где-то рядом на острове у рыбаков кончился хлеб, они увидели нас и послали гонца-попрошайку.

Следующий день был тихим и солнечным. Мы причалили к давно заброшенной пристани и объявили всем членам команды и отряда увольнение до 18 часов 00 минут. Через полчаса всех “як корова языком злызала”. Остались мы с капитаном и вахтенный дежурный. Я ещё с вечера на корме замочил в двух тазах своё грязное бельё и теперь намеревался устроить большую стирку.

— Ну вот, — смеётся капитан, — вы все мои расчёты поломали.

— Не понимаю.

— А что тут понимать... В вашем отряде три женщины. Вот я и стал ждать, какая же из них развесит сушить ваше барахло.

— Шерлок Холмс?!

— Нет. Я капитан, а капитан на корабле должен знать всё!

*Москва
2010*

ЛУКИЧ

В посёлке все звали его Лукич. И взрослые, и дети. Дети, правда, за глаза, потому как Пантелеймон Лукич был директором их школы. Посёлок этот, если смотреть на школьный глобус сверху и чуть сбоку, находился ровно посередине полуострова Камчатка на левом берегу самой большой здесь реки и назывался Ключи. О причине такого названия местные жители спорили. Одни говорили, что Ключи — это такие родники, что бьют со дна реки около пристани. Вода там всегда холодная и крутит воронками. Рыба там не стоит, да и купаться опасно: судорога может схватить и вниз затянуть. Лошади да коровы, и те предпочитали пастись не здесь, у берега, а на дальних заводах.

Другие жители не соглашались с первыми и показывали на горизонт, где над всем, что здесь росло, водилось и летало, одиноко белел острый конус Ключевской сопки. Эти другие горделиво повторяли слова известного путешественника Крашенинникова: “...ежели шесть дён без всякого перерыва плыть по реке Камчатка вверх, то тогда увидеть можно большой высоты вулкан Ключевской, из снежной вершины которого высоко в небо дыма струя поднимается...”

Словом, как бы то ни было, а в посёлке по имени Ключи, кроме одноэтажной школы, были ещё деревянная больница, она же роддом и “скорая помощь”; два деревянных магазина — “Большой” и “Дальний”; пожарная каланча, почта и метеостанция. Особое место в посёлке занимала вулканологическая станция имени Левинсон-Лессинга, где бородатые геологи вели наблюдения за действующими вулканами. Вверх по реке, в нескольких километрах за посёлком, располагался “аэропорт” — маленькая тесная будка рядом с утрамбованным квадратом земли для посадки Ан-2 и санитарного вертолётa. Вниз по течению реки, в лесу за высоким зелёным забором пряталась небольшая военная часть — говорили, что это служба слежения за спутниками. Вот, собственно, и весь джентльменский набор для приехавших с материка добровольцев, чтобы жить здесь, поживать да добра наживать.

Лукич приехал сюда из Ленинграда. Думал преподавать детям только свою любимую историю, а на деле оказалось, что и словесность читать надо, и ботанику с зоологией, а ещё учить и физкультуре, и пению. За остальные предметы отвечали его жена Вера Михайловна и глуховатый учитель математики по прозвищу Цифиркин. Кроме них, в школе временно работали истопник Макарович, буфетчица Клава и уборщица тётя Нюра. Детей было немного, человек пятьдесят, и некоторые из них учились в двух-трёх классах одновременно.

Лукича любили. Во-первых, он задушевно пел. Про “землянку”, про “эх, дороги”, про то, как “шёл отряд по берегу” и как однажды ночью боец молодой упал и умер у ног своего коня. Во-вторых, Лукич больше всех подтягивался на турнике, дальше всех прыгал в длину и мог с самой дальней линии раз двадцать подряд забросить баскетбольный мяч в сетку.

Но больше всего Лукича любили за его истории. В младших классах он развешивал на доске картинки с генуэзскими башнями и кучей-малой под ними из тяжёлых шлемов, круглых, как сковородки, щитов и окровавленных рук с короткими мечами. “Люди, где бы и когда бы они ни жили, — говорил при этом Лукич, — всегда должны любить свою родину и уметь защищать её. “Свобода или смерть!” — кровью написано на всех боевых знаменах — от Древнего Рима до фиделевской Кубы”. Ещё он любил рассказывать о Спартаке, Робин Гуде и Данко.

В старших классах Лукич заговорщицки предупреждал: “Сейчас я вам кое-что расскажу такое, чего нет в учебниках”, — и он читал им, мальчишкам и девочкам, случайно брошенным сюда на край Земли, письма Маяковского к Лилии Брик: “...на цепь нацарапаю имя Лилино, и цепь губами своими выцелую...” или “я лучше блядям подавать ананасную воду буду...” Читал отрывки из запрещённого Мариенгофа о страстях и стихах Есенина. Читал письма и записки Ленина к Инессе Арманд: “Сообщи размер твоей ноги. Постушил вагон с обувью. Могу кушить тебе пару калош...” Ещё Лукич всегда охотно и с волнением рассказывал о непокорстве декабристов и об их женах. “Люди, когда бы они и где бы они ни жили, — говорил Лукич, — должны уметь защищать свою любовь. И всё потому, что жизнь без любви и без свободы никакая не жизнь, а самая что ни на есть тоска долгая и нудная...”

Дети слушали Лукича взахлёб. Для них он был инопланетянин. Дома и в книжках всё было совсем наоборот. Маяковский там был не ласковый и беззащитный “щен”, а “горлан и главарь”. Есенина тогда вообще не было. Его не издавали — “пьяница и дебошир”. Ленин жил и работал с Крупской, а любил исключительно народ и советскую власть. Пушкин считался чуть ли не самым главным декабристом и любил друзей-лицеистов больше, чем жену свою Наталью. Из царей признавались только Пётр Великий и Иван Грозный, в остальных же народовольцы, революционеры и большевики совершенно справедливо метали бомбы и в упор палили из револьверов.

В итоге слова Лукича и дело Ильича никак не стыковались. А тут этот самый конфликт возьми да вылези наружу! В тот год в самом начале осени в посёлок Ключи приехала бригада лесоустроителей. Для них рядом со школой стали строить контору и жилой дом. Пилят, рубят, землю копают, и всё бы ничего, да когда забор стали ставить, то почти наполовину его завели на школьную спортивную площадку. Лукич, конечно же, запротестовал, а ему в ответ: “Сиди и не чирикай, а то ещё больше оттяпаем. Земля эта по бумагам за школой не значится; твоя только под зданием и ещё там, где аллея с двумя лавками и клумба с цветами”.

Лукич в поссовет — так, мол, и так, это же наши дети, им и спортом заниматься надо, и “на головах походить” простор требуется.

— Сделать ничего не можем. У лесников распоряжение сверху.

Лукич собрал родителей. Мнения разошлись. Кто-то предложил ночью снести забор бульдозером, кто-то — написать жалобу в горно в Петропавловск-Камчатский, а кто-то и вовсе неожиданно заявил: “Вот, однако, и хорошо. Больше дома сидеть будут, а то прибегут из школы и чепуху несут всякую...”

— Вы, Лукич, — обратился к учителю бородатый вулканолог, — документы о статусе советской школы посмотрите... Может, там найдёте что-нибудь путное в свою пользу.

— Раз ты так, — встретил Лукича после собрания начальник лесоустроителей, — то не я буду, если через пару дней не заберу всю землю, что незаконно захватила твоя школа. Тоже мне, Дон Кихот Камчатский!

* * *

На следующее утро Лукич первым рейсом Ан-2 вылетел в Петропавловск. Там он разыскал мастерскую по изготовлению декоративных садово-парковых фигур и сделал заказ.

— Мне это нужно завтра.

- Ты что, мужик, спятил?! Пока то да сё — форма, заливка, обработка — считай, месяц уйдёт, никак не короче.
- Мне надо завтра да так, чтобы к последнему рейсу успеть на Ключи.
- Ну, не знаю. Если только эту штуку гипсом залить?
- Пусть гипсом, пусть хоть из бумаги и клея, только обязательно завтра.
- А ты кто будешь, мужик?
- Учитель.
- Лады. Будет тебе завтра.
- Я того... если надо... я доплачу.
- Ишь Рокфеллер нашёлся. Небось рублики с деток посшибал...
- Нет. Я на свои.

* * *

На следующий день поздно вечером Лукич и Макарович сколотили из неструганых досок высокий узкий ящик, вкопали его перед школой и поставили сверху привезённый из города гипсовый бюст Ленина.

— Вот он, наш защитник, — гордо сказал Лукич, — ему по закону положена земля, на которой вокруг в радиусе до 200 м ни строить, ни вкапывать ничего нельзя.

* * *

- Странный ты человек, — выговаривала ночью Лукичу жена, — за чем тебе всё это?
- Что это?
- Ну, ссоры с начальниками, памятник этот дурацкий, завтрашние пересуды по посёлку.
- Это всё ерунда.
- А что не ерунда?
- Свобода!!! И ещё... любовь...

*Сев. Урал, р. Тасманья,
2009*

ОДИНОКИЙ ПИНГВИН

Это был королевский пингвин: чёрная голова, серая спина, яркие оранжевые пятна на груди, белое брюхо и, конечно же, прямой длинный клюв. Жил он со своей мамой в небольшой пингвиньей колонии на берегу моря Дейвиса в Антарктиде. Рядом располагалась русская полярная станция. Как и все пингвины, он часто ходил в гости к полярникам полакомиться свежей рыбой и однажды случайно забрался в палатку метеостанции, запутался в проводах и один-одинёшенек просидел там до утра. Утром, когда пришли люди и распутали провода, оказалось, что у него сломана правая лапка. Один из полярников, бородатый Митрич, забрал раненого пингвинёнка к себе в домик, забинтовал ему большую лапу и прозвал Жоржиком.

А уже через месяц утром и вечером, Жоржик, прихрамывая и переваливаясь с боку на бок, послушно семенил вслед за Митричем, когда тот ходил работать в свою метеопалатку. Ещё через пару месяцев в бухте Дейвиса появился высокий белый пароход с новой сменой полярников, и Митрич вместе со своими друзьями-товарищами засобирался в обратный путь на Большую Землю.

- Ну, вот и всё, — сказал Митрич Жоржику, — мне пора домой.
- А как же я?
- Даже и не знаю.
- А ты возьми меня с собой.

- Но там же нет ни льдов, ни океана.
- А что там есть?
- Речка, лес и степь.
- А рыба в речке водится?
- Да...
- Я буду ловить тебе рыбу из этой речки.
- Ну, хорошо, поехали!

И вот стали они жить-поживать в городе, в маленькой квартире большого каменного дома. Днём Митрич гулял с Жоржиком в лесу, а рано утром и по вечерам они ходили на реку. Там, на берегу, Митрич разводил костёр, а Жоржик плавал, нырял и ловил рыбу.

И всё бы хорошо, если бы Митрич не затосковал по своей метеостанции. Каждую ночь ему стали сниться льды, полярное сияние и бородатые друзья-товарищи. Теперь днём, в лесу, Митрич угощал Жоржика рачками, а себе резал хлеб, колбасу и пил водку. Они перестали ходить на речку, и однажды Митрич умер...

Жоржик остался совсем один. И тоже умер.